

Андрей Сизых

В СТРАНЕ ОРОНА-ОБЕРОНА

О.П. Янькову и нашим отцам посвящается

Насобираешь волнушек тазик -
Сядешь на травку умять бутерброд.
По уши в грязи увязнет уазик и
Леший не вытянет из болот.

Помнишь страну? в ней лишь мхи да осина,
Гиблая топь, а зимою - снега?
В притче тунгусской, в округе лосиной,
В бездне бескрайней под грифом Тайга.

Речка чугунные воды взбивает,
Моет в лотке золотой регион.
Помнишь, куда вертолёты летают?
Озеро, райский оазис - Орон?

Малая выпь истоскуется в осень.
Были, забыли как вор обокрал.
Он Оберон, наш Орон, он прекрасен,
Так же как родич, библейский Байкал.

Боже, старик, там такая картина!
Море - не море, но лодку имей.
А жизнь после родины, мёртвая тина,
Для позабывших её сыновей.

Давно я там не был. Такой мощной энергетики нигде больше не встречал. Даже на Чукотке. Орон, с монгольского, старинного, это столица поднебесного ханства. И это, ребята, танкисты, и дорогие старушки, чистая правда. Стоит только ночью на берег выйти. Сразу: "все стало вокруг - тревожным и сакральным".

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОРОНА-ОБЕРОНА

"Костя надел осеннюю толстую куртку Ильи, взял виски, сигареты, соленое печенье, пошел на крыльцо (зимовья - А.С.), уселся поудобнее. Вокруг была кромешная темнота. Костя налил стакан, почувствовал, что перелил.

- А, да Бог с ним.

Выпил. Стало немножко легче. Костя замер, пропал в ночи, слился с ней. Только время от времени подливал в стакан. Глаза уже давно привыкли к темноте. И, случайно взглянув на очертания валуна, от которого недавно ушел, Костик

мгновенно похолодел : кто-то сидел на нем.

-Эй, - окликнул Костя, - кто это?

Человек молчал. Виднелась сгорбленная спина, и вспыхивал равномерно огонек - он курил. Костя встал на миг одеревеневшие ноги, сделал несколько шагов в сторону камня. Человек повернулся к нему, опять вспыхнул огонек, и в коротком отсвете трубки- носогрейки мелькнуло лицо бабули (у Костика недавно в тайге пропала бабушка-охотница - А.С.). Костя остановился, зажмурился. А когда открыл глаза, на берегу никого уже не было.

- Допился, - выдохнул Костя, - хотя, водка здесь, кажется, не при чем.

Он все же заставил себя подойти к валуну, сел, и опять тревожно заколотилось сердце - камень был теплым, кто-то точно только что сидел на нем. Тут Костика стало панически страшно. Он пошел к зимовью, но уже у самой двери остановился и позвал: " Бабуля!"

Никто ему не ответил.

- Это ты со мной играешь? - Спросил Костя.

Орон, затаившийся в темноте, огромный, бесстрастный, ничем не выдавал себя: ни всплеском, ни звуком. Что-то было в молчании таежного озера совсем уж непонятное человеку. Дыхание той стороны, неподвластной живым, ощутил Костик.

- Бабуля! - Что было сил заорал он. Эхо, прокатившись по ледяной глади, ушло в распадок, и вернулось назад.

- Нет бабули, - прошептал Костик. Он опять сел на ступеньку крыльца, положил голову на перила, и, постепенно, все же задремал. Когда очнулся, утренний Орон безмятежно смотрел на него. Костя прислушался. Издалека раздавался шум мотора. Это возвращался Илья.